

Глава 37. Избалованный молодой господин (4)

Снег за окном падал тихо и беззвучно. Талая вода медленно стекала с карнизов, рождая звук, похожий на тихий дождь.

В комнате витал лёгкий аромат благовоний. Тёплое, плотное одеяло приятно согревало тело, а в объятиях притаилась мягкая, нежная живая грелка.

Проснувшись, Юй Чэньнянь на мгновение решил, что всё это сон. Подобный покой и уют уже много лет являлись ему лишь в сновидениях.

Он осторожно пошевелил рукой и, ощутив под ладонью податливую мягкость, опустил взгляд. В его объятиях, свернувшись калачиком, безмятежно спал Ши Цин.

Лицо юноши покраснело во сне. Его живые тёмные глаза, что в минуты бодрствования неизменно взирали на мир с гордым превосходством, сейчас были сокрыты под пологом длинных ресниц.

Таким он казался на удивление послушным ребёнком.

Но Юй Чэньнянь не обманывался. Он знал: стоит Ши Цину открыть глаза, и он снова превратится в того самого капризного, избалованного юного господина, что презирает его, обожает мучить и не способен вынести ни малейшего лишения.

С самого детства его унижали, но он не испытывал к своим обидчикам ничего, кроме холодного безразличия. В глубине души Юй Чэньнянь был горд и считал, что эти люди недостойны даже его ненависти. Он был подобен ядовитой змее, затаившейся во тьме, что терпеливо ждёт своего часа, дабы одним смертельным укусом устранить тех, кто преградил ей путь. Их смерть не вызвала бы у него никаких лишних эмоций — ни радости, ни вины. Они того не заслуживали.

Когда-то и Ши Цин в глазах Юй Чэньняня ничем не отличался от его старших братьев.

Но сейчас, глядя на покрасневшее во сне лицо юного господина, ощущая его тёплое дыхание на своей руке, Юй Чэньнянь почувствовал, как в душе зарождается странное, сложное чувство.

Такой гордый и в то же время такой хрупкий.

Словно котёнок, которого он когда-то так хотел, но не мог получить.

[Динь! Степень отторжения Юй Чэньняня: 142/100]

Юноша в его объятиях слегка пошевелился. Его нежные губы задвигались, словно он пробовал во сне что-то вкусное, а красивые изогнутые ресницы мелко затрепетали.

Он просыпался.

Юй Чэньнянь закрыл глаза, притворяясь спящим.

Тело в его руках задвигалось активнее. Он чувствовал, как Ши Цин, ещё не до конца проснувшись, трётся о него и капризно что-то бормочет.

Спустя мгновение юный господин окончательно очнулся. Он откинул одеяло и сладко зевнул.

В следующую секунду Юй Чэньнянь вновь ощутил на своей пояснице лёгкие пинки мягких, нежных ступней — они скорее щекотали, чем причиняли неудобство.

Голос только что проснувшегося юноши был ещё немного сонный, но тон уже был привычно высокомерным.

— Эй! Ты чего до сих пор спишь? Подъём!

Юй Чэньнянь послушно открыл глаза.

Ши Цин уже выбрался из постели. На его лице застыло выражение полного удовлетворения после хорошего сна. Увидев, что Юй Чэньнянь проснулся, он самодовольно хмыкнул и вздернул подбородок. Всё его изящное лицо говорило: «Ты неплохо послужил, я доволен».

— Похоже, от тебя всё-таки есть польза. Не такой уж ты и несносный, как они говорят. Впредь, когда я буду отдыхать днём, будешь приходить и греть мне постель.

Он говорил приказным тоном, очевидно, даже не предполагая, что Юй Чэньнянь может отказаться.

Тот и не собирался.

По крайней мере, в обществе этого капризного юного господина ему было куда спокойнее, чем рядом со старшими братьями.

Отдав приказ, юный господин Ши громко позвал евнухов.

Юй Чэньнянь молча наблюдал, как тот сидит с раскинутыми руками, позволяя слугам одевать себя, а затем снова усаживается на кровать, чтобы ему помогли надеть чулки и обувь.

«В жизни Ши Цина, — подумал Юй Чэньнянь, — очевидно, не существует такого понятия, как одеваться самому. Возможно, если бы его заставили, он бы и не справился».

Когда они добрались до императорского кабинета, был уже разгар дня. Принцы тут же с показным радушием поприветствовали Ши Цина, а один даже упомянул, что приготовил для него успокаивающий отвар, изображая саму заботу и внимание.

При этом все они дружно игнорировали стоявшего рядом с Ши Цином Юй Чэньняня, который слегка опустил голову, отчего его высокая фигура казалась не такой заметной.

Никто не поинтересовался, не досталось ли их младшему брату от капризного юнца. Никто не высказал ни слова по поводу того, что он несправедливо стал козлом отпущения.

С этого дня юный господин Ши, прежде ограничивавшийся лишь мелкими пакостями, словно открыл для себя новое развлечение. Теперь он с упоением заставлял Юй Чэньняня, настоящего принца, исполнять обязанности презренных слуг. К примеру, Ши Цин потребовал, чтобы тот являлся к императорскому кабинету загодя и ждал его у паланкина, а затем на спине нёс до самого входа. Раньше эту работу выполняли евнухи.

Даже во время полуденного отдыха Ши Цин не оставлял Юй Чэньняня в покое. Он не позволял ему уходить в свои покои, заставляя следовать за собой.

По слухам, дошедшим до принцев от прислуживающих Ши Цину евнухов, тот заставлял Юй Чэньняня петь ему песни, как какая-нибудь певичка, и даже ставил на него свои ноги.

Во время одного из разговоров юный господин, не моргнув глазом, заявил, что отныне Юй Чэньнянь будет ему прислуживать.

Прислуживать!

Это было равносильно тому, чтобы обращаться с ним, как с последним слугой! Причём совершенно открыто.

Как-никак, он всё же был принцем. Пусть его мать и была низкого происхождения, а приёмная мать — свергнутой императрицей, он оставался сыном дракона. Даже они, его братья, не решались на такое откровенное унижение. Не из страха перед Юй Чэньнянем, конечно, а из опасения вызвать недовольство отца. В конце концов, это был его сын, и кто знает, как бы император отреагировал на то, что с ним обращаются как с дворцовой челядью.

Принцы втайне ждали, когда отец разгневется. Тогда они смогли бы утешить и обласкать попавшего в немилость Ши Цина.

Но прошло пять дней, а Его Величество, которому, как известно, было ведомо всё, что творится

во дворце, так и не высказал своего мнения.

Отсутствие реакции означало поддержку.

Очевидно, положение Ши Цина в сердце отца было куда выше, чем положение его собственных сыновей. А положение Юй Чэньняня — куда ниже, чем они предполагали.

Некоторые из принцев, которым и раньше доставляло удовольствие унижать Юй Чэньняня, теперь и вовсе перестали видеть в нём равного.

За ним не стоял могущественный клан матери, он был молчалив и замкнут, да и сам отец его не жаловал. Пнуть его походя стало обычным развлечением.

На шестой день, когда паланкин Ши Цина остановился у ступеней императорского кабинета, он обнаружил, что юноша, который должен был ждать его под навесом, стоит поодаль в снегу, с ничего не выражающим лицом.

Его сапоги уже наполовину скрылись в сугробе, а плечи покрылись слоем снега. Было ясно, что он стоит здесь уже давно.

Брови юного господина тут же сошлись на переносице.

Привыкший к роскоши и теплу, он, чьи ноги никогда не касались ни снега, ни дождя, в ярости откинул полог и выпрыгнул наружу.

— Господин, господин, осторожнее...

Этот поступок до смерти напугал прислуживающих ему евнухов. Они, словно няньки при младенце, делающем первые шаги, бросились за ним.

— Прочь!

Юй Чэньнянь издали наблюдал, как Ши Цин, похожий на рассерженного львёнка, тонким голоском отогнал слуг и, полный праведного гнева, решительно направился к нему.

— Кто позволил тебе здесь стоять?! — его обычно мягкий голос звенел от негодования.

Котёнок яростно шипел, словно обнаружив врага на своей территории.

— Разве они не знают, что ты каждый день носишь меня в кабинет?! Ты весь в снегу, как я теперь на тебя залезу?!

Юй Чэньнянь замер.

Он не ожидал, что Ши Цин разозлится из-за этого. Он думал, что избалованный юный господин, увидев его в таком виде, просто брезгливо велит другому евнуху отнести себя.

Видя, что тот молчит, юноша разозлился ещё больше:

— Говори!

— Старший брат-император сказал, что я в последние дни пропускаю занятия, и велел мне постоять в снегу, чтобы остыть, — ответил Юй Чэньнянь.

Маленький котёнок вспыхнул ещё яростнее.

— Все знают, что это я велел тебе быть со мной! Он что, хочет ударить меня по лицу?!

На самом деле, нет.

Первый принц просто нашёл случайный предлог. Так было и раньше. Безнадзорного девятого принца мог пнуть каждый.

А сейчас тёмные глаза Юй Чэньняня были прикованы к юноше, который так искренне возмущался из-за его наказания.

Он так рассердился, что его щёки покраснели. Он был похож на зверька, который обнаружил, что его с трудом собранные припасы украдены, и теперь издавал тонкий, яростный рык.

— Ты служишь мне! Какое право они имеют тебя трогать!

— Я сказал, ты мой!

— Мой!

Выкрикнув это, юный господин снова сердито и злобно посмотрел на Юй Чэньняня.

— И ты тоже бесполезен! Столько дней был со мной, и позволяешь им так издеваться над собой!

Евнухи, видя, что гнев его, кажется, немного поутих, осторожно приблизились.

— Господин, не стойте в снегу, ваши сапоги уже промокли.

Эти слова разозлили Ши Цина ещё больше.

— Спина Юй Чэньняня вся в талом снегу! Как он меня понесёт?! Что это значит, старший брат?! Я пришёл сюда как товарищ по учёбе, а не для того, чтобы терпеть унижения! Юй Чэньнянь носил меня несколько дней, а он его так наказывает! По чьему лицу он бьёт?!

Евнухи молчали.

Логика была, мягко говоря, странной.

Но избалованному юному господину было плевать на логику. Выпалив всё на одном дыхании, он развернулся и бросился к императорскому кабинету.

— Я потребую от него объяснений!

Пробежав несколько шагов, он обернулся и, увидев, что Юй Чэньнянь всё ещё стоит на месте, нетерпеливо крикнул:

— Ты что, дурак?! Быстро за мной!

Юй Чэньнянь шагнул вперёд, и его онемевшие ноги едва не подкосились. Но он всегда быстро приходил в себя.

Два-три шага, и он начал чувствовать свои ступни.

Четыре, пять, шесть...

Он следовал за яркой алой фигурой в красном плаще. Его глаза становились всё ярче, а шаги — всё легче.

[Динь! Степень отторжения Юй Чэньняня: 100/100]

<http://bllate.org/book/15834/1439135>